

отсутствие пауз и выделения ключевых слов, поза и жесты оратора, его внешний вид, выстраивание дистанции со слушателями – все это не должно отвлекать от проекта и затруднять восприятие информации. Однако ведущую роль в профессиональной подготовке будущего специалиста в российском вузе неизменно играет хорошее знание русского языка и умение пользоваться его ресурсами.

Библиографический список

1. Стенина Н.С. Культура речи: художественная культура: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. 152 с.
2. Ардатова Е.В., Фокин В.И. Защищаем магистерскую диссертацию: пособие по русскому языку для иностранных студентов. СПб.: Златоуст, 2020. 116 с.
3. Шатилов А.С. Гуманитарные науки. СПб.: Златоуст, 2011. Вып. 2. 56 с.
4. Розова Н.А., Мудриченко О.М. Культурология: учебное пособие. СПб.: Златоуст, 2012. Вып. 5. 80 с.

УДК: 378 : 316.7

ЗАПУСК БАКАЛАВРСКОЙ ПРОГРАММЫ В СФЕРЕ IT НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИЗ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ОПЫТ «ВЫСШЕЙ IT ШКОЛЫ» ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.Г. Шлыкова – бакалавр культурологии, магистр философии, специалист по учебно-методической работе Международного офиса НОЦ «Высшая IT школа», ФГАОУ ВО «Томский государственный университет», Томск. E-mail: agniya.shlykova@gmail.com

© Шлыкова А.Г., 2025

Аннотация. В статье представлен подробный обзор запуска англоязычной бакалаврской программы по направлению «Программная инженерия» в «Высшей IT школе» (HITs) Томского государственного университета (ТГУ). Рассмотрена мотивация команды преподавателей, лежащая в основе создания программы, описаны трансформационно-ориентированное видение IT-образования и проблемы, появившиеся в ходе реализации. Анализ сфокусирован на возникших специфических проблемах, включая различия в менталитете, более низкий, чем ожидалось, уровень академической подготовки и владения языком у студентов, а

также системные пробелы в университетской и городской среде. Исследованы адаптивные стратегии, реализованные преподавательским составом, подчеркнута важность межкультурного взаимопонимания, указана необходимость структурной поддержки для устойчивой интернационализации. Сформулирован вывод о том, что обучение иностранных студентов требует не только академической готовности, но и культурной и институциональной трансформации. В этой связи отмечена важность обучения на практике (Learning by Doing) и постоянного совершенствования для обеспечения долгосрочного успеха в глобальных образовательных инициативах.

Ключевые слова: культурная адаптация, межкультурная коммуникация, англоязычное образование, институциональная готовность, интернационализация, программная инженерия.

Открытие новой образовательной программы всегда ставит перед командой факультета ряд специфических задач. Запуск подобной программы на английском языке представляется дополнительным вызовом, особенно на факультетах, где иностранный язык (и/или регионоведение) не является предметом научного и образовательного интереса и не воспринимается как проблема по умолчанию. В рамках настоящей статьи проведен обзор такого релевантного кейса, как открытие бакалаврской программы «Software engineering» на английском языке в научно-образовательном центре «Высшая IT школа» (Higher IT School – HITs) Томского государственного университета (ТГУ). Автор статьи присоединился к факультету только на третьем году реализации проекта, поэтому данный анализ (особенно после обсуждения с коллегами их опыта, приобретенного во время изначального запуска программы) представлял исключительный интерес. В тексте рассмотрены предпосылки и контекст открытия программы; цели, поставленные перед запуском; трудности, с которыми пришлось столкнуться команде школы; выводы и предложения, сформулированные в рамках обзора.

В 2015 г. на базе кафедры программной инженерии факультета информатики ТГУ сформировалась команда, которая начала активно работать над проектом трансформации модели IT-образования в классическом университете. Предпосылки к этому были самые строгие: традиционная модель стала давать сбои. Сложившийся подход к подготовке IT-специалистов и, в частности, программных инженеров перестал отвечать вызовам рынка. При выходе на работу выпускники все чаще попадали в ситуацию «забудьте все, чему вас учили 4 года» [2].

Благодаря поддержке специалистов команды МШУ «Сколково» пересбор программы позволил переосмыслить и вывести на новый уровень ее основополагающие компоненты [1]:

1. Образовательная модель и качество подготовки. Был скрупулезно изучен опыт лучших инженерных школ из топ-300 университетов мира (Стэнфордского университета, Университета Карнеги – Меллона, Массачусетского технологического института); сформулирована необходимость ускорения базовой подготовки специалистов, а также переориентации на образовательные методики, стимулирующие самостоятельную образовательную активность студента, в противовес классической модели «преподаватель и его учебник как единственно верный источник знания».

2. Кадровая политика. С возрастающей скоростью развития IT-индустрии стало очевидно, что адекватная подготовка практико-ориентированных специалистов силами исключительно «кафедральных профессоров» не представляется возможной. Нужно было сфокусироваться на привлечении и дальнейшем сохранении в академическом поле практикующих специалистов из индустрии.

3. Взаимодействие университетской программы с реальными игроками IT-рынка. Сложилось понимание, что индустриальные партнеры должны встречаться со студентами не после их выпуска, а еще во время их обучения. Делать это следует не только для приема учащихся на практику, но и для того, чтобы предоставить обратную связь, которая будет не только формально принята к сведению, но и поспособствует корректировке содержания программы согласно текущему запросу рынка.

Вышеупомянутые процессы были инициированы при сложившихся благоприятных обстоятельствах – участии университета в федеральном проекте «5-100». Для достижения высоких позиций в мировых рейтингах вузу необходима сильная инженерная школа (этот вывод был сделан после анализа опыта вышеупомянутых лучших университетов и в целом «верхушки» именитых рейтингов). Чтобы это сделать, требуется, как говорилось ранее, переосмыслить модель образования, так что для осуществления амбициозной, но сформулированной со всей серьезностью цели – построения школы с мировым именем – нужно, соответственно, выходить на мировой уровень, а точнее, «приглашать» мир к себе, шаг за шагом создавая бренд и распространяя славу о нем за пределы страны через выпускников программы.

Другой немаловажный вопрос – расчет экономической эффективности школы. Программа, ориентированная на платных студентов, стала важным пунктом в вопросе самоокупаемости проекта. Так, было принято решение о запуске программы на английском языке, чтобы она могла удачно «встроиться» в зарубежный коммерческий рынок.

Англоязычный бакалавриат в составе HITs в 2017 г. был одним из дебютантов в ТГУ. На тот момент уже существовала одна гуманитарная бакалаврская программа («Филология»). «Программная инженерия» же

стала первой в технической области. До этого полноценные программы на английском языке в вузе существовали в основном на уровне магистратуры. Поговорить о специфике запуска таких программ в ближайшем окружении было практически не с кем, а поиск эксперта за пределами вуза для проведения соответствующей консультации в тот момент не казался чем-то необходимым. По сути, программа на английском языке запустилась в режиме Learning by Doing – том самом подходе, который значится среди ключевых образовательных технологий школы. Базовой идеей стал запуск параллельных программ на двух языках, где англоязычная, в сущности, является калькой с русскоязычной.

Перед непосредственным запуском в рамках первого этапа были поставлены две цели:

1. Открыть набор и убедиться, что иностранные студенты поедут в Россию учиться программированию в неклассическом подходе.

Первая приемная кампания запускалась в «спартанском режиме»: предстояло приглашать абитуриентов на программу, которая, по сути, еще не существовала, т.е. не было выпускников и даже студентов старших курсов. При этом имелся опыт кафедры и направления «Программная инженерия» в ТГУ, было общее представление о сильных российских программистах и обещание учить студентов в Сибири на английском языке.

Для набора на англоязычную программу был приглашен сотрудник Управления международных связей (УМС) ТГУ. Со своим профессиональным опытом, включающим рекрутинг иностранных студентов в России, он стал единственным специалистом в команде школы, имеющим профессиональное отношение к международным коммуникациям. Стоит подчеркнуть, что данный сотрудник был приглашен именно для осуществления набора, в его задачи не входило консультирование по возможной адаптации программы для студентов из-за рубежа.

Подготовка запуска приемной кампании началась в феврале-марте 2017 г.: перерабатывались буклеты с информацией о программе, создавались аккаунты для коммуникации в зарубежных социальных сетях, оперативно отрабатывались лиды, приходившие в УМС. Кроме ограничений приемной кампании при запуске абсолютно новой программы, также присутствовали и более общие вызовы: не самое удачное географическое расположение университета (страны, ставшие впоследствии основной целевой аудиторией, живут по времени ближе к московскому); существующие стереотипы о постоянном сибирском холоде, закрытых и неприветливых людях, отсутствии какой-либо цивилизации; стоимость программы (средняя и даже высокая) по сравнению с некоторыми

европейскими странами, где обучение в обычном университете является бесплатным даже для иностранцев.

В первый год удалось набрать 11 студентов из запланированных 25, во второй – 13. Первые два года основным ресурсом набора был факультет довузовской подготовки (сейчас – Центр довузовской подготовки) ТГУ. К третьему году, когда сформировалась база информации о программе (начавшей распространяться по сообществам иностранных студентов и подготовительным отделениям в других вузах России), удалось набрать уже 25 студентов. Таким образом, после запуска программы на основной вопрос был получен позитивный ответ: иностранные студенты готовы ехать в Сибирь, чтобы учиться программированию на английском языке. Другой вопрос – не все из них понимали, что программа обучает в неклассическом подходе, но этот аспект не является ключевым в данном обзоре.

2. Понять, в чем заключается разница между привычным российским и незнакомым зарубежным абитуриентами.

Искомая разница стала видна очень быстро.

1. Базовая предметная подготовка. Уровни математической и IT-подготовки обычных первокурсников русскоязычной и англоязычной программ различались в разы. В российских школах курс информатики присутствует в каждой учебной программе, среднестатистический выпускник обладает базовыми навыками владения компьютером и, скорее всего, некоторым опытом элементарного программирования. В связи с большим конкурсом, который наблюдается сегодня при поступлении на IT-специальности, обычный абитуриент такой программы на русском языке будет иметь уже более продвинутые навыки владения программированием, а на «верхушке» рейтингового списка поступивших окажутся победители и студенты – участники различных соревнований и олимпиад. В то же время в большинстве стран, чей контингент приезжает обучаться на российскую англоязычную программу, курс информатики в школьной программе либо отсутствует вовсе, либо ограничивается обучением пользовательским навыкам. Некоторые студенты (особенно обучающиеся по квоте студенты из стран с более низким уровнем благосостояния населения) приезжают учиться программированию, не имея даже личного ноутбука. Уровень математической подготовки также (в среднем) оказался значительно ниже того, на что был выставлен ориентир. В этом смысле изначальная идея запустить англоязычную программу как копию русскоязычной, не корректируя ее в части содержания, скорости освоения и педагогических подходов, себя не оправдала.

2. Специфика национального менталитета. Более 70 % (8 человек) в группе первого набора составили студенты из арабских стран, преимущественно из Египта. Эта тенденция сохранялась несколько лет. Преподаватели и сотрудники школы столкнулись с тем, что в изначальные гипотезы не закладывали, а именно с кардинальными отличиями менталитета превалировавших в группе студентов. Отличалось многое: понимание нормального и высокого уровня, интенсивности и продолжительности учебной нагрузки, времени и обязательности (касательно посещения пар, опозданий); дистанция между преподавателем и студентом (отсутствие привычки обращаться к преподавателю в случае, если остались слепые зоны в освоенном материале); подход к решению проблем; даже отрицательное отношение к женщине как источнику авторитета (иными словами, «женщина – не авторитет»). Сотрудники школы на практике познакомились с феноменом «потери лица», который, как оказалось, существует не только в азиатских, но и (в специфическом виде) в арабских культурах. Выражается он иначе, чем в Азии: арабские студенты оказались склонны отстаивать свое «лицо» (даже если оно потеряно по их собственной вине) активно, по российским меркам даже агрессивно. Упомянутый выше «подход к решению проблем» чаще всего заключался в жалобах на преподавателей в случае, если студента что-то не устраивало (например, преподаватель отказывался принять выполненное задание после дедлайна или поставить более высокую оценку за работу, которая объективно этого не заслуживала). Периодически такие жалобы со стороны студентов переходили в эмоционально окрашенные разговоры на повышенных тонах, что для обычного представителя российской академической среды не является привычным и даже может вводить в ступор. Все это привело к тому, что студентам стали идти навстречу не только в объективно требующих того ситуациях, но и тогда, когда это совершенно не нужно и наносит вред. Безусловно, свою роль играло стремление сохранить немногочисленный в первые два года контингент, собранный буквально по крупицам. Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что для эффективной работы с носителями подобного менталитета нужна очень специфическая «твердая рука», управляемая хладнокровным разумом, не поддающимся эмоциональным провокациям.

3. Уровень владения английским языком – не всегда достаточный для обучения в университете. Даже при условии успешного прохождения вступительных испытаний многим студентам было сложно осваивать программу, изобилующую специфическими математическими и профессиональными терминами.

Помимо особенностей пришедших на учебу студентов, постепенно выявлялись проблемы в области подготовленности среды за пределами факультета. Например, несмотря на то, что в ТГУ уже несколько лет реализовывались магистерские программы на английском языке, в отделе платных образовательных услуг отсутствовал двуязычный шаблон договора на обучение платных студентов, а основные формы заявлений, обязательных к заполнению абитуриентами и студентами, также существовали исключительно на русском языке. Эта «борьба с бумагой» впоследствии продолжилась: дневники практики, гайдлайны по оформлению научных текстов (курсовых, выпускных квалификационных работ) и многое другое сейчас существует в ТГУ в доступном для студентов англоязычных программ виде (на английском языке или в формате «русский + английский») во многом благодаря планомерной работе сотрудников НІTs.

Если идти еще дальше, то в университете и городе студент с очень небольшой вероятностью найдет человека, способного коммуницировать на английском (это университетские службы, сфера обслуживания, представители государства – полиция, МФЦ, медицинский персонал и т.д.). Данное обстоятельство ставит вопрос о привлекательности обучения в России для студентов, которые не планируют учить русский язык. Комфортное проживание в социальной среде для многих является не менее важным аспектом, чем качество образования.

Неподготовленность среды видна даже на федеральном и законодательном уровнях. В качестве примера можно привести ситуацию со сроками начала приемной кампании: во многих странах, которые особенно привлекательны для иностранных абитуриентов (Европы, Северной Америки), дедлайн приема документов для обучения с осеннего семестра (сентябрь) приходится на февраль-март. В России же на момент запуска программы в НІTs официальный прием документов в январе только открывался. С учетом графика согласования и подготовки тех или иных важных для приемной кампании элементов более-менее активная работа по набору фактически начинается только в апреле. Получается, что Россия сама упускает активных и сильных абитуриентов, которые теоретически могли бы быть заинтересованы в обучении в России. Пока у нас только запускается приемная кампания, эти абитуриенты уже получают свои письма о зачислении в других странах. В 2025 г. официальный прием документов для всех форм обучения, гражданств и основ обучения начинается с 20 июня. Получается, что здесь можно говорить о негативной динамике.

Другим препятствием для воплощения задуманного стало действовавшее ранее ограничение на трудоустройство для иностранных студентов. Одним из «запрограммированных» преимуществ НІTs является предоставление студентам возможности пройти отбор у партнеров школы

и выйти на оплачиваемую стажировку в рамках практики на 3-м и 4-м курсах. Однако для получения оплаты за свой труд студенту в любом случае необходимо вступить в определенные «официальные отношения» с компанией, где он проходит практику. На момент запуска программы действовавшие ограничения существенно осложняли официальное трудоустройство иностранных студентов в России. Со вступлением в силу Федерального закона от 06.02.2020 № 16-ФЗ трудоустройство иностранных студентов значительно упростилось, а следовательно, в этой сфере мы можем говорить о положительной динамике.

Можно ли было принять превентивные меры, чтобы избежать каких-либо из перечисленных проблем? Если повлиять на законодательную базу и городскую среду почти нереально (в оперативном режиме), то по другим пунктам можно сформулировать некоторые предложения:

1. Проблема межкультурной коммуникации и столкновения с незнакомым менталитетом. Культурологически-ориентированное экспертное консультирование перед запуском программы, проектируемой для студентов из-за рубежа, могло бы оказать значительную поддержку в данном вопросе. На взгляд автора настоящей статьи, неверным было бы ставить в вину специалистам технического профиля то, что слова «менталитет», «культура», «образовательный бэкграунд» не значились в топе списка ориентиров при подготовке запуска программы. Разумным выглядит возможность предоставления менторских консультаций от специалистов подразделений университета, которые профессионально вовлечены в сферу международных коммуникаций. Более глубокое, прицельное и заблаговременное консультирование могло бы помочь в корректировке как изначальных целей, так и следующих за этим нюансов проектирования формы и содержания самой программы. Такая информационная поддержка будет полезна для любой программы, рассчитанной на студентов из-за рубежа, а не только для программ на английском языке. В рамках возможных форматов можно подумать как о персональном экспертном консультировании, так и о проектировании профильными вузами курсов повышения квалификации, направленных на ознакомление со спецификой образовательного межкультурного взаимодействия. Такой материал может быть полезен для руководителей и сотрудников.

2. Проблема предметной и языковой подготовки абитуриентов. Это еще одна категория, которая не поддается адекватному прогнозированию, однако может быть оперативно скорректирована в случае готовности программы и преподавателей использовать гибкие подходы в работе (что и было сделано в НИТs). Кратное усложнение вступительных испытаний не выглядит подходящим решением для данной проблемы: при существующих прочих ограничителях в привлечении контингента

актуальным остается соблюдение баланса между привлечением достаточного количества студентов для сохранения окупаемости программы и отбором тех, кто имеет шанс пройти все обучение и успешно защитить дипломный проект.

3. Проблема подготовленности среды. Университет, ориентированный на привлечение контингента из дальнего зарубежья, должен иметь системное представление о том, как иностранные студенты будут взаимодействовать в образовательном пространстве. Должна быть выработана общая политика по этому вопросу, подразумевающая осознанное вовлечение всех подразделений (хотя бы на уровне «мы знаем, куда позвонить и попросить помощи, если к нам обратился студент, который не говорит по-русски»). Безусловно, изменения среды идут быстрее с ростом числа тех, для кого эти изменения актуальны. На момент запуска программы в НІTs общее количество иностранных студентов дальнего зарубежья в ТГУ было гораздо меньшим. Подавляющее большинство обучалось на русском языке, и здесь, возможно, срабатывала логика «они ведь приехали учиться на русском, потому и вся коммуникация должна проходить на русском». Однако будет справедливо отметить, что за прошедшие годы, во время которых росло общее число контингента и количество англоязычных программ, видны значительные позитивные сдвиги внутри вуза. Поскольку не только среда влияет на человека, но и человек влияет на среду, попытки повлиять на ситуацию (даже если описанную выше неподготовленность нельзя было предугадать) дали свои положительные результаты.

Подводя итог, необходимо сказать следующее: готовя к запуску бакалаврскую программу «Software engineering», команда научно-образовательного центра «Высшая ІТ школа» ТГУ поставила перед собой две основные цели: понять, есть ли у иностранных абитуриентов спрос на изучение программирования на английском языке в России, и узнать, чем зарубежный абитуриент отличается от российского. Этап, важный при запуске программы, ориентированной на студентов из-за рубежа, а именно необходимость адаптации программы под менталитет и уровень предметной и языковой подготовки приезжающих на учебу иностранцев, был перенесен на время непосредственного разворачивания программы. Сделано это было из-за различных причин: неочевидности степени важности данного этапа для специалистов технического профиля, отсутствия квалифицированных кадров для оказания методической поддержки. После начала реализации программы сотрудники НІTs столкнулись со следующими проблемами: сложностью межкультурной коммуникации из-за разницы менталитетов; низкой (по сравнению с ожидаемой) предметной и языковой подготовкой абитуриентов; слабой подготовленностью университетской и общей среды в стране для взаимодействия со студентами, обучающимися на английском языке.

Одна часть этих проблем не могла быть спрогнозирована, а решению другой части могло бы помочь превентивное экспертное консультирование.

Факультет использовал гибкие подходы, учился сам, шаг за шагом трансформируясь и трансформируя не только студентов, но и университетскую среду вокруг них. Стоит также заметить, что любая подобная работа должна быть системной, подразумевать слаженную работу не только на факультете, но и на общеуниверситетском уровне. В таком случае удастся достигнуть максимальной эффективности, спрогнозировать многие возможные проблемы и трудности.

Последняя идея, которую хотелось бы обозначить, заключается в том, что интернационализация – это не просто привлечение студентов из-за рубежа, а создание пространства, где студенты могут чувствовать себя комфортно и по-настоящему преуспеть. Описанные в статье проблемы не всегда были предсказуемыми, часто казались сложными, а иногда и обескураживающими. В то же время они открыли возможности для институционального роста, обучения межкультурному диалогу и внедрения академических инноваций. Главное, чтобы появилось более глубокое понимание того, что значит обучать, не обращая внимания на границы – не только географические, но и границы в мышлении, опыте и ожиданиях.

Библиографический список

1. Трансформирующиеся университеты / под ред. В. Волянской. М.: Центр трансформации образования Московской школы управления СКОЛКОВО, 2019. 161 с.

2. История. Высшая IT школа // Высшая IT школа. Томск, 2025. URL: <https://hits.tsu.ru/ru/content/history> (дата обращения: 20.04.2025).